

РАЗДЕЛ II.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 10(09)4

Алёхина Е.В.

КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА И ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ШКОЛЫ И ЦЕРКВИ*

Аннотация: В статье рассмотрены взгляды русских религиозных философов конца XIX – первой половины XX века на два взаимосвязанных вопроса: 1) на каких духовных ценностях и в стремлении к какому идеалу надо воспитывать молодёжь; 2) что можно делать в этом отношении в нашем государстве, которое, по конституции, является светским.

Ключевые слова: русская религиозная философия, образование, личность, религиозное воспитание.

Для многих уже очевидно, что нравственность народа, особенно подрастающего поколения, катастрофически падает. Как категорически высказался протоиерей Дмитрий Смирнов, «русский народ погибает в грехе». Все начинается с человека, с его воспитания. Исторически русский национальный характер складывался с ориентацией на святость как моральный идеал и основу всех добродетелей. В XX веке стал формироваться иной, антихристианский менталитет, тем самым нарушилась преемственность векового духовного опыта, ослабел духовный иммунитет ко злу в различных его формах. Святейший Патриарх Алексий II неоднократно вразумлял, что «без восстановления прерванной культурной и духовной преемственности, возрождения стремления к высоким идеалам, укоренения чувства любви и братолюбия не будет России».

Современному педагогу понятно, что образование и воспитание подрастающего поколения должно быть основано на отечественной духовной культуре, которая неразрывно связана с этическими ценностями христианства, православного христианства. Однако в условиях мировоззренческого раскола общества усиленно насаждается система ценностей, разрушающая жизнеспособность народа, к тому же давит ни-

щета, деструктивная политика СМИ, распространяются соросовские учебники. С другой стороны, появилась возможность крупномасштабной деятельности Церкви; православие востребовано обществом. Настало время вернуться к «вечным истинам»: если мы хотим выжить, необходимо возродить культурные традиции именно там, где они закладываются, прежде всего – в семье и школе. Уникальная ценность русской культуры в том и состоит, что она формирует личность и народ. Либеральное же мировоззрение лишено духовных оснований и потому формирует не личность, а индивида, не народ, а массу, из которой можно лепить что угодно.

В силу инерция и старых программ наше образование имеет большой изъян – оно не дает знаний о христианской культуре, и это в обществе, где большинство людей крещеных (или православно ориентированных), для которых естественно изучать христианскую культуру, то есть православие. Поэтому одним из условий продуктивной работы государственной школы и Церкви является введение целостных курсов «Основ православной культуры» в ряд обязательных предметов среднего (и высшего) образования. (Все иные, даже такие традиционные религии, как ислам и буддизм, соотношение которых с православием 100:7:1, могут иметь аналогичные возможности факультативно). В пространстве этого курса идея православия может доноситься до молодежи. Различные варианты этого курса исходят из принципиального единства веры и культуры, поскольку культура – это внешнее выражение внутренней жизни, а вера – ее содержание, импульс и направленность любой деятельности человека. Культура – выражение религиозных устремлений человека, она – от культа, их храма; верующие, «возделывая» самих себя, могут «возделывать» и окружающую среду, рассматривая свою деятельность как служение.

---

* © Алёхина Е.В.

Курс «Основы православной культуры» исходит из принципа единства веры и культуры, христианского смысла жизни и образа жизни. С одной стороны, знакомство с текстами Священного Писания и православного богослужения показывает бесконечную красоту, мудрость, человеколюбие христианства; с другой стороны, изучение шедевров христианского искусства, праздников, житий святых, знакомство с православным бытом, семейным укладом в какой-то степени формируется духовный строй, соответствующий христианским ценностям – терпению, смирению, чистоте.

Учебный курс «Основы православной культуры» отнюдь не ставит и не может ставить задачи воцерковления школьников – это прерогатива Церкви, которая имеет живой опыт богообщения. Православие – это, прежде всего религия, а не культура, оно несводимо к политике и искусству управления, к морали и богословию, его суть нельзя познать в художественном или археологическом музее. Но вместе с тем, такой курс решает познавательные задачи – помогает учащимся узнать православие во всей его идеальной красоте, увидеть связь культуры, искусства, народных традиций с православной верой; а также задачи воспитательные – научить уважать свой народ, чтить и сохранять свои национальные традиции, противостоять разрушительной и ложной идеологии, оккульту и предрассудкам. Воспитывать ведь можно только на положительном и прекрасном, а не на ущербном и низком.

Решая два взаимосвязанных вопроса: на каких духовных ценностях, в стремлении к какому идеалу воспитывать и что можно сделать в этом отношении в нашем государстве, которое, по конституции, является светским, полезно обратиться к русской философской мысли XIX-XX вв.

В.С. Соловьёв в работе «Оправдание добра» обосновывал социальный прогресс прогрессом нравственным, который, в свою очередь, обусловлен воспитанием верности христианской традиции, преданию. Только в этом случае, полагал он, старшее поколение может передать младшему все свои достижения, воспитывая ответственную нравственную личность, способную и готовую воспользоваться этим капиталом для общего блага. Основанием, «корнем» традиционного воспитания философ считает, таким образом, религию, из которой нельзя делать мёртвую «реликвию», что, как полагает он, приводит к равнодушию и враждебности к религии, поскольку свидетельствует об угасании веры.

Центральная идея В.Соловьёва заключается в утверждении религиозной основы воспитания. Если нет живой веры, веры как духовной жизни, то связь времен распадается, и никакой нравственный прогресс невозможен, поскольку вос-

питывается обособленная (что для него означает безнравственная) личность. Нравственный же человек связан чувством ответственности с предками и с потомками, он является фактически духовным (а не только физическим) звеном соединения между теми и другими. Это возможно, повторимся, только при наличии религиозного сознания. Только при такой условии предки не остаются, как пишет философ, в «поконченном» прошлом, но живут, хотя и невидимо, в настоящем и в будущем, полнота их бытия в какой-то мере определяется нравственной жизнью потомков.

Если мы равнодушны к «будущности наших предков» резонно задаёт вопрос Соловьёв, в силу чего будем мы заботиться о будущем нового поколения? Поскольку воспитание существенно состоит в передаче нравственной обязанности от одного поколения к другому, спрашивается: какая же обязанность и по отношению к кому передается нашими преемниками, если при атеистическом воспитании наша собственная связь с предками порвана? Обязанность двигать вперед человечество? Но это только игра словами, ибо ни «вперед», ни «человечество» не имеют здесь никакого реального смысла, а есть только отдельные поколения людей, сменяющие друг друга [1].

И лишь воспитание, основанное на христианской традиции, на предании делает возможным нравственный прогресс, заключающийся, по определению В.Соловьёва, в «дальнейшем и лучшем исполнении тех обязанностей, которые вытекают из ... приготовления к явному Царствию Божию и к воскресению всех» [2]. Это и есть, по его мнению, «общее дело» всех поколений, цель их прогрессивного движения. Принцип последовательности бытия обуславливает религиозное почтение к отошедшим поколениям и нравственное воспитание поколений будущих, преодолевает эгоизм и индивидуализм, утверждает ответственность личности. Таким образом, В.Соловьёв свои педагогические воззрения основывает на принципах христианской антропологии, утверждающей безусловное значение человеческого существа как носителя вечной жизни, причастного к божественной полноте бытия.

В. Соловьёв не рассматривает вопросы техники воспитания, считая это предметом особого исследования. Он высказывает замечания по общему вопросу отношения Церкви и государства (школы). Философ настаивает на различении их функций в деле воспитания. Государство должно быть орудием Церкви. Вместе с тем полное отделение Церкви от государства ведёт к раздору и гибели. «Отделенное от церкви государство или совсем отказывается от духовных интересов, лишаясь высшего освящения и достоинства и вслед за нравственным уважением теряет и покорность

граждан; или же ... государство решается брать эту заботу всецело в свои руки., присваивая себе высший духовный авторитет, что есть безумная и пагубная узурпация», становясь тем самым антихристианским и тоталитарным [3]. Правильным положением, по его мнению, является такое, когда Церковь не имеет никакой принудительной власти, а принудительная власть государства не распространяется на область духа. Государство должно обеспечивать внешние условия для достойного существования и совершенствования людей, быть в известных пределах удерживающей силой зла, занимая срединное место между Церковью и обществом.

Самое главное в школе – именно воспитание, а не обучение. Из-за того, что этот принцип утверждался еще древними мудрецами, он не потерял своей актуальности. Обращаясь в своём творчестве к вопросу о связи обучения, воспитания и образования, известный русский философ И.А.Ильин в книге «Путь к очевидности» писал, что «образование без воспитания есть дело ложное и опасное. Оно создает чаще всего людей полуобразованных, самомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напористых и беззастенчивых карьеристов; оно вооружает противодуховные силы, оно развязывает и поощряет в человеке «волка» [4].

Главное в воспитании, по мнению И.Ильина, одухотворить природные силы ребенка (в его терминологии, инстинкт), направлять его любовь к Совершенству: «Воспитание человека, - уверен он, - не должно сводиться к разглагольствованию или проповеди; оно должно сообщить ребенку новый способ жизни..., помочь разыскать в непосредственной жизни всего того, что придает жизни высший смысл, что ее освящает» [5]. Проявление духа он видит в красоте и таинственной целесообразности природы, в искусстве. «Кто увидит это в духовном созерцании, тот скажет: мир имеет смысл, потому что ему светит совершенство; и более того: мир имеет бытие, потому что в нем живет и его направляет стремление к совершенству. И всюду, где мы находим это, мы обретаем духовное измерение вещей и жизнь самого духа; переживая это, мы приобщаемся духу; включая в свою жизнь, становимся духовными существами, «чадами духа» [6]. Философ называет это состояние «открытием духовного ока», «приобщением к божественному счастью на земле и считает, что эти восприятия должны происходить как можно раньше, до знакомства ребенка с горечью и злом мира, с жестокостью людей и суровостью природы. При этом он вовсе не призывает создавать иллюзорно-прекрасный мир, лишенный всяких страданий – напротив, нужно научиться проникаться чужим страданием, чтобы жалеть и помогать, отвраща-

ясь от зла.

От духовно пробуждающих нравственно-эстетических переживаний И.Ильин советует переходить к религиозному воспитанию ребенка, «говорить ему о том, что есть благодатный Господь, знающий его и любящий его...и научить его лучшим и кратчайшим молитвенным словам». Здесь философ видит достижение цели воспитания в том, чтобы сделать из ребенка не преуспевающего человекоугодника, а духовно-зрячего, сердечного и цельного человека с крепким характером. А для этого надо зажечь и раскалить в нем как можно раньше духовный «уголь»: чуткость ко всему Божественному, волю к совершенству, радость любви и вкус к доброте. Это откроет ему путь вверх и даст ему духовную свободу. И тогда может однажды настать тот прекрасный день, когда им действительно овладеет сверхличное пламя духа и он явится людям как Божие орудие – как светящийся и призывающий факел своего народа» [7]. И.Ильин так коротко формулирует цель воспитания – научить любить должное, «служить свободно и с радостным усердием», избегать раздвоения и тем более противоборства «духа и инстинкта», свободы и закона (т.е.воли Божией).

Важнейшему вопросу об отношении школы и Церкви для решения проблемы отношения обучения, воспитания и образования посвящён труд В.Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии».

Основывая принципы педагогики на православной антропологии, что традиционно для русской религиозной философии, В.Зеньковский видел цель воспитания в раскрытии образа Божия в ребенке, в «приобщении к вечной жизни в жизни эмпирической». Педагог подчеркивал важную идею о правильном соотношении духовного и эмпирического начал, о смысле эмпирического развития, его «инструментальном» значении для воспитания цельной личности. Утверждая принцип внутренней иерархичности (а не гармоничности) человека, В.Зеньковский выстраивает семь основных направлений воспитания: физическое, психическое, социальное (национальное), нравственное, эстетическое, интеллектуальное и религиозное.

Все эти направления воспитания должны помочь, по его мнению, личности ребенка «овладеть тайной свободы в себе; воспитание плодотворно лишь в той мере, в какой оно обращено к духовной жизни, пронизано верой в силу Божию, в человеке светящую, как образ Божий, способно зажечь детскую душу любовью к добру, правде». Поэтому необходимо «связать проблему воспитания с темой спасения и значит уяснить себе смысл воспитания» [8]. В.Зеньковский глубоко убеждён в том, что душа всякого человека связана с рели-

гиозной сферой. Поэтому и в детском возрасте душевное здоровье невозможно без развития религиозной сферы: «Дитя нуждается в том миропонимании, при котором для него все в мире имеет смысл, все восходит к Творцу и Отцу Небесному; религиозные образы в душе ребенка помогают развернуться лучшим движениям детской души, изнутри согревают и просветляют ее» [9].

Как и большинство русских религиозных философов, В.Зеньковский убежден в необходимости преодоления трагического раскола Церкви и культуры, начало которого он видит в повсеместной секуляризации системы образования в России и на Западе: «Наше Православие ... оставалось неиспользованным нами, и лишь в итоге того духовного труда, который лег на русское сознание XIX и XX века, мы возвращаемся ныне к полноте и силе Православия и сознаем его историческую и культурную мощь. Для нас открывается принципиальная возможность преодоления чуждой нам по существу системы секуляризованной культуры – и на этих путях вопросы об отношении школы и Церкви имеют самое актуальное и серьезное значение» [10].

Сближение школы и Церкви он понимает не упрощенно – как усиленное религиозное преподавание или как административное подчинение школы духовенству, – но как *внутреннее воздействие Церкви*. В связи с этим В.Зеньковский поднимает антиномичный для религиозного образования вопрос об уважении духовной свободы, не допускающей принудительности, насильственного навязывания религиозной жизни, и производный от него вопрос: насколько свободна секуляризованная школа?

Анализируя опыт отделения школы от Церкви в США, Европе и России, он видит, помимо явно пагубных последствий (огрубение и падение нравов, материализм, аморализм и нигилизм) то, что дети в таких школах вовсе не воспитываются в подлинной свободе. Религиозная свобода не достигается в секуляризованной школе, «а это значит, – пишет он, – что защищать идею секуляризованной школы во имя религиозной свободы невозможно», поскольку такой свободы нет именно для верующего, а не для неверующего сознания [11]. Мотив религиозной свободы, столь часто приводимый защитниками отделения школы от Церкви, восходит, убежден Зеньковский, не к подлинной заботе о духовном здоровье детей, а в распространении среди взрослых атеистической идеологии «просвещения». Дуализм и полуотрицание религии он вполне логично связывает с последующей борьбой с религией в советской школе.

Отрыв школы от Церкви неприемлем для протоиерея Василия Зеньковского именно по

религиозным мотивам, поскольку христианство по своей сути занято спасением и «устроением» мира, восстановлением его правильной иерархии. Он не приемлет и современную культуру с её «невыносимой двойственностью», антихристианской направленностью и убежден, что «наука и искусство, экономика и социальная жизнь, не теряя своей свободы и даже утверждаясь в ней, могут и должны быть одушевлены верой в Бога, могут и должны быть освящены» [12]. Школа, которая не хочет иметь дело с религиозной сферой ребенка, отбрасывает от себя огромную творческую силу и вынуждена прибегать к суррогатам и подменам. Культура вообще не может быть вне сферы религии, её автономия от веры – миф, убежден он. Не посягая на свободу атеистов, скептиков и язычников, философ требует «свободы строить целостную культуру, воссоздавать утраченное её единство с нашей верой ... идти к системе открытого культурного дуализма, ... творить оазисы религиозной культуры» [13].

Как же конкретно представляет В. Зеньковский отношение школы и Церкви, если при этом он отвергает их отделение? Он обращается к идее церковной (народной) школы, которую со второй половины XIX в. продвигали С.А.Рачинский и К.П.Победоносцев. Такая церковная школа создаётся на базе церковных общин, но не государством (в наше время аналогом церковной школы являются, например, православные гимназии).

Таким образом, русские религиозные философы, основываясь на православных ценностях, стремились к тому, чтобы вся культура, в том числе система образования, была построена на религиозных началах. Однако, признавая человеческую свободу, они вынуждены были считаться со сложившейся светскостью системы образования. При этом они отмечали её слабости и пороки – непоследовательность, притеснение свободы, навязывание антирелигиозных идей, утверждение монополии материалистического мировоззрения, подчёркивая всячески положительную роль христианства в формировании полноценной личности.

Цель образования религиозные философы видели не столько в передаче информации, сколько в духовном пробуждении, в укреплении любви к истине, добру, красоте. Особую роль в этом они отводили Церкви, которая несла и продолжает нести людям наивысший нравственный идеал, имея тысячелетний опыт воспитания не просто хороших, но таких людей, кого народ почитал святыми – образцами наивысшей нравственности. Вместе с тем русские мыслители ещё в XIX веке выявили глубокий мировоззренческий раскол в русском обществе в результате отхода значительной части интеллигенции от традиционных христианских

ценностей, хотя по определению она должна была сохранять и развивать национальную культуру и самосознание народа.

И в наше время по-прежнему господствует «смута», нет согласия в определении ценностей, на которых можно и должно воспитывать молодёжь. Утверждаются стандарты общего образования, но в них не просматривается тот образ, который мы хотим воспитывать в детях. Чаще всего такая задача и не ставится или говорится о каких-то частностях – уме, здоровье, доброте, мужестве и т.п. Разработано множество моделей образования, но нет критериев их ценностного отбора.

В советской школе образование основывалось на идее формирования человека грамотного, научно ориентированного, идейно воспитанного, нравственно и всесторонне развитого, человека – созидателя, труженика, с чувством гражданской ответственности, любви к Родине (В.Ю.Троицкий). Однако советская школа, основываясь на принципах государственного атеизма, воспитывала не только созидателей, но и будущих разрушителей.

Реформа школы, начавшаяся в начале 90-х годов прошлого века, меняет традиционные цели образования. В ней не ставится задача воспитания целостной и гармоничной личности и вообще не акцентируются важнейшие качества личности, стремящейся к высоким целям. Задачи образования отныне теряют самостоятельное значение – они приспособляются к прагматическим задачам работодателей. В модернизированной системе образования вырисовывается образ предприимчивого эгоиста-прагматика, послушного исполнителя, приспособленца и потребителя, который уже не интересуется своими великими предками, лишен исторического мышления по причине собственной бездуховности и аполитичности.

Однако не всех мыслящих людей устраивает перспектива утраты Россией полноценной системы образования. Именно они настаивают на возвращении общества и важнейшей его сферы – образования к богатейшим традициям русской духовности. У нас есть сокровищница педагогического опыта, наша самая большая ценность – Русская Православная Церковь. Именно она проповедует нравственный идеал самоотверженной любви, соборности, коллективизма, щедрости, предпочтения духовных ценностей материальным. Вот почему Церковь может и должна стать сегодня главным воспитателем и преобразователем когда-то христианского народа. Будущее определяется сейчас тем, каков тот образ, который запечатлевается в сердцах наших детей. Достоевский усматривал в русском народе образ Христа. Современные средства массовой информации и искусство нередко формируют альтернативный

образ, романтизируя преступников или восхваляя преуспевающего потребителя, расчетливость, индивидуализм, конкуренцию, приобретательство – все это антиценности, которые обнаружили свою бесперспективность и разрушительность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Соловьёв В.С. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 497.
2. Там же. – С. 498.
3. Там же. – С. 532.
4. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – С. 307.
5. Там же.
6. Там же. – С. 308.
7. Там же.
8. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1993. – С. 155.
9. Там же. – С. 166.
10. Там же. – С. 164.
11. Там же. – С. 157.
12. Там же. – С. 161.
13. Там же. – С. 162.

E. Alekhina

CONCEPT OF EDUCATION IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE END OF THE XIX CENTURY – THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY AND CONTEMPORARY PROBLEM OF COLLABORATION OF SCHOOL AND CHURCH

Abstract. The article examines views of Russian religious philosophers of the end of the XIX- century – the first half of the XX century on two interrelated questions: 1. bases on which spiritual values and striving towards what ideal should youth be brought up; 2. what can be done in this respect in our country that is secular by constitution.

Key words: Russian religious philosophy, teaching, personality, religious education.